

ПОГРЕБЕНИЕ И ЕГО МЕСТО В АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта "Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа", проект № 17-01-00147а..

BURIAL AND ITS PLACE IN THE ADYGS TRADITIONAL CULTURE

*M. Gugova
E. Nalchikova
M. Tekueva*

Annotation

The purpose of the article is to determine the traditional view of the burial place, the signs of the worship on the deceased, in general the attitude towards the death of one of the nations of the Caucasus – Adygs (Circassians). The ethnological review of the death place allows us to supplement the general picture of the traditional daily life of the Adygs throughout the long historical period. Classification of burial sites for Adygs is determined by such factors as the terrain, class and clan of the deceased, the nature of death.

Keywords: Circassians, Northern Caucasus, death, cemetery, burial-ritual rites, traditions, methods of burial.

*Гугова Марина Хабасовна
К.и.н., с.н.с., доцент,
Институт Гуманитарных исследований
КБНЦ РАН, г.Нальчик
Нальчикова Елена Аниуаровна
К.и.н., доцент, Кабардино–Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова, г.Нальчик
Текуева Мадина Анатольевна
Д.и.н., профессор,
Кабардино–Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова, г.Нальчик*

Аннотация

Цель статьи состоит в определении традиционного взгляда на место погребения, знаков почитания умерших, в целом на отношение к смерти одного из народов Кавказа – адыгов (черкесов). Этнологический обзор топоса смерти позволяет дополнить общую картину традиционной повседневности адыгов на протяжении длительного исторического периода. Классификация мест захоронения у адыгов определяется такими факторами как рельеф местности, сословная и родовая принадлежность покойного, характер смерти.

Ключевые слова:

Адыги, Северный Кавказ, смерть, кладбище, погребально–поминальная обрядность, традиции, способы захоронения.

Смерть, кладбище, погребально–поминальная обрядность – начало начал в исторической науке: изучение древности и средневековья невозможно без изучения могильников и погребального инвентаря, архаичных представлений народов о загробном мире, а позже – философского осмысления темы смерти, Талантоса, смысла жизни. В кавказоведении эти проблемы достаточно широко освещены в контексте археологических изысканий (труды В.П. Левашовой [17], А.Ж. Кафоева [12], А.Х. Нагоева [23], Е.П. Алексеевой [1], Е.И. Крупнова [15] и др.), но их результаты сдержанно используются этнологами для реконструкции повседневной жизни и традиционного уклада жизни горцев Северного Кавказа. Авторы настоящей статьи задаются вопросом о значении смерти, обозначении ее в пространстве материального мира, кладбище как месте захоронения и

памяти об ушедших, "знаке Родины". Некоторые аспекты этой проблемы получили освещение в наших научных публикациях в последние десять лет: диссертации, статьи, докладах на конференциях [5;25;6;24;8;7]. Задача предпринятого обзора состоит в определении традиционного взгляда на место погребения, знаков почитания умерших, в целом на отношение к смерти одного из народов Кавказа – адыгов (черкесах). Источниками для этнографического анализа послужили не только археологические материалы, но и литературные свидетельства иностранных авторов об адыгах (взгляд извне), аутентичные источники – труды просветителей и фольклорные произведения (взгляд изнутри).

Принципы выбора территории, подходящей для погребения близких, родных, и в конечном итоге – места предполагаемого захоронения тех, кто еще жив, различ-

ны и определяются культурной традицией этноса (хотя у адыгов считалось, что "живому человеку могилу не копают" – "цыфыр мылэу бэн фатырэп").

Обязательным условием при организации "топоса смерти" считалось его обзорность. В "Воспоминаниях кавказского офицера" Ф.Торнау замечает, что черкесское кладбище всегда находилось "на видном месте..." [30, с.35]. Этот факт подтверждает и В.А. Потто: "На открытых, далеко отовсюду видных местах, чаще всего при устьях ущелий, хоронили черкесы отошедших в мир иной..." [29, с.320]. Другим условием была близость данного культового сооружения к населенному пункту. "Их (черкесов) могилы располагаются на более или менее значительных возвышенностях близ селений" [28, с.222]: кладбище служит напоминанием о бренности человеческого существования и необходимости праведной жизни. С другой стороны, расположение кладбища за границей поселения делало его репрезентацией другого мира [14, с. 210].

Выбор места при организации "топоса смерти" у адыгов напрямую зависел от рельефа местности. По топографическому признаку кладбища в Кабарде, Черкесии, Шапсугии, Адыгее можно классифицировать следующим образом:

- ◆ **степные** – абсолютно гладкие, просматриваемые со всех сторон, монотонный рельеф которых нарушался рядами угрюмых, столь же монотонных стел. Еще в начале XIX в. де Мариньи описывал подобное кладбище: "...мы обнаружили поле, где находилось кладбище, на удалении друг от друга виднелись могилы, в изголовьях которых, по турецкому обычаю были положены камни..." [22, с.301];

- ◆ **лесостепные** – надмогильные памятники их располагались вокруг деревьев, образуя сложную пространственную композицию. К. Главани в первой половине XVIII в. писал, что черкесы "в... лесу хоронят мертвых" [4, с.163];

- ◆ **предгорные** – расположенные на склонах гор над селением, памятники которых кажутся карабкающимися в горы.

По количеству захоронений на одном кладбище у адыгов ограничений не было. Судя по источникам XIX в. некоторые кладбища состояли "лишь из нескольких могил" [9, с.159], но чем многочисленнее и старше аул, тем больше кладбище: "Нередко побеги молодого леса скрывают за собой целые сотни древних могил" [29, с.320].

По сравнению с европейской традицией кладбища у адыгов кажутся запущенными. Адыгское кладбище не имело четкой планировки и редко огораживалось, родовой характер адыгских поселений предполагает и родовые кладбища, не требовавшие стремления внутри них к компактному расположению семейных могил. Только после возникновения многофамильных поселений начи-

нает практиковаться обычай захоронения людей в родовых земельных отводах на территории кладбищ. Причем захоронение производилось справа налево – по старшинству и по нисходящей линии. В необходимых случаях оставляли место для здравствующих старцев.

Адыгское кладбище из-за своей неогороженности выглядело как доступное место, хотя на самом деле оно было табуированным пространством, куда вход разрешался дозированно и порционно. "Известно, что абадзехи не очень жалуют посещать кладбища в ночное время" – замечает автор "Воспоминаний кавказского офицера" [30, с.38]. Посещать кладбище предписывалось по памятным дням и обязательно в светлое время суток. Нельзя тревожить мертвых – это главный запрет, на охрану которого направлена вся культура похорон и кладбищ. Но самое заметное табу связано с запретом посещения кладбища для женщин: "Только мужчины сопровождают труп" [16, с.133]. Это вызвано исламской традицией, начавшей широко распространяться лишь в XIX в. До этого времени доступ на кладбище для женщин, по-видимому, был свободным, потому что источники начала XIX в. констатируют, что "вдова не пропускает ни одного дня, чтобы не посетить могилу..." [14, с.72], что "мать убитого собрала на кладбище женщин, чтобы вместе попричитать над могилой" [19, с.568]. Но уже в середине XIX в. вдовий плач на могиле, как в кабардинской песне о Бухуре Хасане мог вызывать неодобрение или даже осуждение: "Жылэр кызызгегуэрэ, уэ уи хьэдэ тэкур мащэ бжьэпэми цафэзгьегеижа мыгьуй!" [26, с. 146–147] ("Под ропот всего села твое тело бедное у края могилы я оплакала, о горе").

Вне традиционных кладбищ часто встречаются одиночные захоронения – типичное явление для истории адыгов. Обычно они обозначали особенное положение покойных: это могло быть знаком их высокого социального статуса или, наоборот – признаком маргинализации личности. "По наружному этикету, умершие князья не хоронятся на общественных кладбищах. Уединенные могилы их всегда находятся на более выгодных местах, причем устраиваются прочные памятники" – описывал Н.Ф. Грабовский во второй половине XIX века.

Обязательным признаком захоронения знаменитых воинов и представителей знати (что чаще встречается в одном лице) служил высокий курган. У адыгов курганы могли быть безымянными, или носить имя собственное, как, например, Курган Боры Могучего близ с. Заюково или Курган Андемиркана близ с. Аушигер. В кабардинской песне о Куркужинской битве "в дозор посланный всадник на Шагум-кургане засыпает" [26, с.209]. С курганами часто связывались пояснительные предания. Вообще, в традиционном этническом восприятии "бугор означает место погребения" [20, с. 72], "и чем важнее был умерший, тем выше и больше насыпается этот холм..." [10, с.52]. Эти наблюдения XV и XVII веков подтверждаются и в XIX веке К. Кохом, который отмечает, что адыги по-прежнему "приносят большое количество

земли, чтобы сделать могильный холм как можно выше" [14, с.72], и Т. де Мариньи: маленькие курганы "встречаются в разных уголках долины... Черкесы считают, что это могилы какой-то великой нации, проживавшей до них в этих краях" [22, с.312].

Адыги возводили "кхъэсей" – надмогильный холм горою, который поярусно обладался камнями. Аутентичный автор начала XIX в. Хан-Гирей пишет о месте захоронения своих родителей буквально следующее: "Равнина, среди которой находится курган, на котором возвышается гробница (из белого камня) Султана Мгамет-Гирея и его жены, отца и матери сочинителя этих записок. На большой дороге, мимо кургана проложенной стоеит и каменный памятник покоящихся в сей гробнице" [32, с.77–78].

Отсутствие зримых следов захоронения служило своего рода наказанием отрицательного героя, как в сказании о братьях Ешанокых, когда старший брат Уозырмес своего врага Куйцукова, ни за что погубившего малолетнего Уозырмега, "вместе с лошастью зарыл в пещере, сровняв могилу с землею", чтобы не осталось никакого следа на месте, "где погиб бесславно богатырь племени Кяхе" [31, с.190]. Но чаще погибшему сопернику оказывались должные знаки уважения. Легендарный герой Андемиркан убивает в поединке князя Кайтуко и погребает его, как и полагается по обычаю, вместе с конем в кургане у владения Мысостей. Этот же герой аналогичным образом поступает и с другим своим противником, княжеским сыном Жанхотовым, захоронив его сидящим на коне. Сообщая приметы захоронения, Андемиркан указывает: "Ты увидишь курган, на котором не растет трава" [11, с.299], потому что на месте захоронения отрицательных героев, по народным представлениям, трава не росла. Воздвигнутый Адиох на могиле мужа "могильный курган был черен, ни одной травинки не возшло на нем", потому что тот, "кто лежит под этим курганом, любил, видно, только себя, не любил жизни, цветущей вокруг него, потому-то ни одна травинка не возшла на его кургане" [27, с.131]. На месте захоронения самого Андемиркана также был возведен "именной" курган. К "именным" курганам относится цепь курганных закладов, которая начинается в районе Пятигорья и заканчивается у села Урвань (Мысостей).

Одно из последних упоминаний о соблюдении обычая отдельных погребений знати в Кабарде встречается в русской исторической хронике. В 1746г. верховный князь Кабарды Асланбек Кайтукин, будучи в поле, упал с лошади и умер. Его похоронили на месте гибели и насыпали большой курган. "Пщы щехуэх и мацэц" – "Где князь упал, там его и могила" [21, с.251].

У адыгов существовал древний обычай в честь князей и прославленных воинов, погибших на чужбине, ставить на родине памятные стелы (кенотафы). До сих пор мы, как и современники этих событий, выделяли частный, семейный аспект культа мертвых. Однако этот культ изначально имел и другой аспект: мемориальный, наци-

ональный, патриотический [2, с.445]. У адыгов и балкарцев обычай устанавливать кенотафы на видных местах (возвышенностях, перекрестках дорог) сохранился и до сегодняшнего дня.

Совершенно особые погребения предназначались для погибших от удара молнии. Еще в первой половине XV в. Иоганн Шильтбергер писал: "У них (черкесов) есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево" [34, с.39–40]. Это было знаком избранности покойного, место его гибели становилось объектом поклонения.

Третья категория могил, выносившихся за ограду кладбища – захоронения самоубийц и изгоев общества. Их хоронили в ничем не примечательных местах, а преступников – на месте казни. Н.Дубровин, цитируя народную легенду, отметил, что после казни обвиненной в супружеской неверности "посланные подняли труп и принесли его опять на гору, чтобы предать земле на месте казни" [9, с.149].

Общие могилы у адыгов – редкость, в отличие от средневековой Европы, где, по крайней мере, с XV до конца XVIII вв. они были обычным способом погребения бедняков и вообще простонародья. Только в начале XIX в. в Европе восторжествует идея о необходимости устройства каждому покойнику отдельной могилы [2, с.82]. У адыгов же издревле представители всех социальных, возрастных и гендерных страт, включая рабов, детей и женщин, имели право на персональную могилу. Исключением из этого правила можно считать общие захоронения в случае массовой гибели людей, будь то эпидемия или крупное сражение, "например, истребление целых племен и аулов войною или заразительными болезнями..." [9, с.123]. Массовые эпидемии сопровождались появлением либо общих могил, которые обозначались флагом черного цвета, сигналом опасности, либо отдельных кладбищ. Например, описывая эпидемию холеры 1892г. в Нальчикском округе, В.А.Гордоновский писал, что умерших хоронили на отдельных кладбищах. В силу религиозных воззрений приходилось допускать у мусульман обмывание тела умершего под надзором фельдшера или санитаря, простыней, смоченной сулемой. В годы Кавказской войны в некоторых ситуациях тоже возникали общие погребения: "В плен было взято только 139 душ, все остальное население погибло или в бою, или в пламени. Линейцы собрали и похоронили 570 трупов". Потто описывает также два кургана в долине Адагума, в меньшем лежат герой Бзиюкской битвы "Калабат, похороненный вместе со своими сподвижниками", а в большем – "800 шапсугов и абадзехов" [29, с.550]. Данные источников о массовой гибели населения от голода и других причин на заключительном этапе Кавказской войны так же позволяют говорить о возможных массовых захоронениях того периода.

Исследователи традиционной культуры адыгов отмечали их почтительное отношение к кладбищам и могилам, сакральный характер которых подтверждается

многочисленными примерами. Известно, что возле них могли проводиться народные собрания, например, в 1767 г. на Чегеме у "кладбища владельца Бекмурзы" состоялось "полное собрание" – Хаса. "Не в пышных чертогах, а под открытым небом, на местах освященных как-нибудь важным событием или прахом знаменитого праотца, собирались черкесы на совещание" [9, с.220].

У черкесов было принято также возле древних курганов назначать встречи для поединков и делить добычу и трофеи. Эта древняя традиция отмечается во многих нартских сказаниях: "Кончится год и наступит вечер – Там, на кургане, будет свиданье тех, кто в скитанье остался жив" [27, с.262]. У курганов устраивались скачки во время годовых поминок по знатному покойнику, а победившую лошадь "водят у кургана". С вершины кургана на все происходящее смотрят "старшина с дочерью" [33, с.67].

Заметим, что не всякая могила, а могила павшего предводителя, становилась объектом всеобщего поклонения. "Черкесы питают суеверное благоговение к могилам своих усопших князей, к какому бы политическому лагерю они не принадлежали" [29, с.320]. Это отношение к могилам выдающихся своих представителей адыги сумели внушить и своим соседям: В Абхазии и теперь есть место, носящее название Иналовой могилы. Народ ревностно оберегает ее спокойствие: там не пасется скот, туда не заходит охотник; выстрел, нарушающий тишину священной могилы, давним обычаем введен в преступление.

Могильная земля могла стать священным символом нерушимой клятвы: "Взявши с сырой могилы горсть земли, он [кабардинский князь Магомет Атажукин] сказал торжественно: "Если я не отомщу убийце Куалова, то нет у меня чести, и я не дворянин". Клятвы, приносимые в подобных местах, считались нерушимыми. Черкес, произнесший следующие слова: "Клянусь прахом моего отца – тайна, на его могиле вверенная, войдет со мною в гроб" [31, с.72], никогда не посмеет их нарушить. Никогда не покинет он родных мест, не оплавав "могилу родителей" [33, с.91]. Могильная земля считалась священной и могла использоваться "для излечения некоторых видов лихорадки", для чего "больного отправляют спать в течение нескольких ночей к развалинам античных монументов и на древние могилы, так как верят в их исцеляющую силу" [3, с.9].

Таким образом, можно заметить, что существенное место в народных воззрениях адыгов занимало "почитание местных святынь – локусов, коими выступали могилы князей и героев, с которыми связаны различные легенды и практики почитания таких мест. При этом, признаваемые горцами особо памятными местами, святынями, надмогильные культовые сооружения рассматривались как места, вокруг которых обитала нечистая сила. Для задабривания "нечистых" в подобных местах оставлялись дарственные вещи: стрелы, пули, лоскутки, монетки и т.д. Несмотря на то, что многие источники

фиксируют существование легенд, объясняющих происхождение сакрального локуса, почитание может продолжаться и при их утере – полной или частичной, что подтверждается почитанием адыгами некоторых курганов, называемых просто курганами на могиле рыцаря (например, близ аула Кабахабль в Адыгее). В таком случае остается лишь название места или память о его сакральности и приуроченность его посещения к определенному дню. Этого оказывается достаточно для того, чтобы продолжилось функционирование святыни [13]. Тем более, что вещественные обозначения подобных мест в силу некоторых народных представлений могут со временем полностью исчезнуть. В частности, по народному поверью, осколки надгробных плит погибших героев (кхъашхъэдэсэ ласкIэ) могли способствовать скорейшему выздоровлению больных. Этот предрассудок послужил причиной разрушения надмогильного камня народного кумира Дамалея, о чем и сообщается в старинной песне о герое. В Адыгее подобная участь постигла памятный знак на могиле народного героя Кимчерия Ханахока.

Исламская идеология должна была привнести изменения не только в похоронную обрядность адыгов, но и скорректировать их отношение к могилам павших героев. Она коснулась даже таких деталей повседневности, как клятвы могилами отцов и матерей, восходящая к архаическим верованиям предков и явно противоречащая исламским установкам: "вся земля является мечетью, кроме кладбищ и бань". Однако устойчивость местных традиций была такова, что само мусульманское духовенство освящало могилы шахидов как места для молебний [9, с.160]. У Хан-Гирея встречаем рассказ о судьбе Комео, тело которого "предали земле, как тело человека, погибшего за святое дело (шагод); а теперь говорят, что земля на его могиле имеет целительное свойство в различных недугах" [33, с.215].

Предпринятый в данной статье этнологический обзор топоса смерти позволяет дополнить общую картину традиционной повседневности адыгов на протяжении длительного исторического периода. Классификация мест захоронения у адыгов напрямую связана с такими факторами как рельеф местности, сословная и родовая принадлежность покойного, характер смерти.

Различия в качестве погребального ритуала, выделение до начала XIX в. княжеского захоронения в виде кургана, не входящего в общесельский кладбищенский комплекс, позволяет сделать вывод о значимости формы погребения для обозначения сословного статуса покойного. Это важно отметить, потому что погребальный инвентарь не всегда информативен: стремление родственников похоронить своего покойника "достойно", "не хуже, чем..." свидетельствует об определенных установках, но не о социальном статусе. Эти качественные различия накладываются на гендерные и возрастные параметры, а также на индивидуальные занятия и причину смерти каждой отдельной личности. С ними же связана

система запретов и ограничений на посещение кладбища, на сакрализацию мест захоронения, на их мемориализацию. В то же время важно отметить, что всякий

умерший, независимо от своего происхождения и судьбы, причины смерти, пола и возраста имел право на отдельное захоронение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево–Черкесии. Черкесск: КЧИГИ, 1994. 24 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528с.
3. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь; Ставропольское книжное изд–во, 1992. 396с.
4. Главани К. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (Далее – АБКИЕА). Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 156–173.
5. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А. Забота об ушедших у адыгов (на фактах времен Кавказской войны) // Международная юбилейная научная конференция "Россия и Кавказ" 6–7 октября 2009 г. г. Владикавказ. Владикавказ, 2010. С.211–215.
6. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 6 (50). С.93–97.
7. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. – №6–1 (68). С.71–74.
8. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Традиции траура и их трансформация в женском военном быту (1941–1945) // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник статей. Нальчик: издат. отдел КБИГИ, 2015. С.126–133.
9. Дубровин Н. Черкесы (Адиге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1991. Вып. 1. 248с.
10. Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
11. Кабардинский фольклор / Под ред. Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. 650с.
12. Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963. 155 с.
13. Кормина Ж.В. О соотношении мифа и ритуала в свете народной веры [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kormina-zhv/o-sootnoshenii-mifa-i-rituala-v-svete-narodnoy-very> (дата обращения 11.03.2016)
14. Кох К. Черкесы // Адыги: культурно–исторический журнал. 1992. №4. С. 44–75.
15. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд–во Академии наук СССР, 1957. 175с.
16. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль–фа, 1995. 456 с.
17. Левашева В. П. Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. Вып. 22. М., 1953. С.170–175.
18. Левинтон Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде// Этнические стереотипы мужского и женского поведения/ Под ред. Байбурина А.К., Кона И.С. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.
19. Лонгвордт Дж. Год среди черкесов//АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.531–584.
20. Лука Дж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 г. // АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 68–72.
21. Марзей А.С. Черкесское наездничество – "Зекуз". Нальчик: "Эль–Фа", 2004. 304с.
22. Маринь Т. Путешествие в Черкесию //АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.291–322.
23. Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино–Балкарии в 1972–1977гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино–Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987. С.208–213.
24. Нальчикова Е.А. Культурное пространство смерти: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. – №11 (37). Часть 1. С.128–130.
25. Нальчикова Е.А. Обыденность смерти в контексте истории повседневности // Исторический вестник КБИГИ. Выпуск IX. Нальчик, 2010. С. 109–118.
26. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов/ Под ред. Е. В. Гиппиус. М.: Советский композитор, 1986. Т.3. Ч.2. 132с.
27. Нарты. Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415с.
28. Паллас П.–С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства// АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.214–224.
29. Потто В.А. Кавказская война: в 5–ти т. М.: Центрполиграф., 2006. Т.1. 528с.
30. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера//Адыги: культурно–исторический журнал. 1991. № 2. С. 3–55.
31. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. Нальчик: Эльбрус, 1988. 268с.
32. Хан–Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 333с.
33. Хан–Гирей. Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285с.
34. Шильдбергер И.С. Путешествия Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке // АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 37–40.